

Письмо-записка с извинениями перед госпожой еще медленно летело в личный почтовый ящик Кайсара, а Шао цзюньхоу, сбросив поводья, уже спешила обратно в свои владения. Она не стала входить через парадную дверь, опасаясь разбудить Хуа Сэ, и предпочла проскользнуть через запущенный черный ход.

Поздней ночью холод пробирался под одежду, оседая влажной росой. Головки осенних роз, еще недавно гордо тянувшиеся к небу, теперь поникли, а ступени из синего камня покрылись опавшей листвой и каплями влаги. Цин Гэ на цыпочках сняла верхнее облачение, накинула бархатный утренний халат, небрежно положила на подоконник заколку из черного нефрита и тяжело вздохнула, глядя на Хуа Сэ, которая, свернувшись калачиком, крепко спала прямо за столом в главном зале.

Скакать всю ночь напролет, не щадя коней, пробираться сквозь иней и росу — и всё ради того, чтобы увидеть тебя. Вся эта суеда, блеск огней и звон бокалов в столице не стоили и ломаного гроша по сравнению с твоей нелепой, но такой искренней улыбкой, от которой сжималось сердце.

Тот, кто слишком долго варился в котле интриг, с первого взгляда научится отличать истинные чувства от фальшивых. Цин Гэ приподняла Хуа Сэ, устроив её голову у себя на плече, и уже собралась отнести девушку в спальню, как та, сонно моргая, приоткрыла глаза.

— А... Шао цзюньхоу, вы вернулись... — пробормотала она, пытаясь разлепить слипшиеся веки и прогнать туман из мыслей. — Я... я приготовила отвар от похмелья, он сладкий...

— Я не пила лишнего, — в ночной тишине голос Цин Гэ звучал твердо и спокойно, не оставляя сомнений в правдивости её слов. — Не хлопочи. Мне ничего не нужно, иди спать в свою комнату. Я тоже пойду отдыхать.

Под мостом печали весенние воды зеленеют, когда-то здесь мелькнула тень Цзинхуна. Цин Гэ действительно виделась с Люе Хунъином лишь однажды, когда ей было десять, и их знакомство было столь мимолетным, что им можно было пренебречь.

Почти.

Хотя та давняя встреча мало что значила, но когда Хунъин в позе полной покорности попросил Цин Гэ взять его под свое крыло, юная Шао цзюньхоу невольно погрузилась в воспоминания. Она вспомнила тот далекий, полный смертельных опасностей и подковерных игр день, когда лишь слабая улыбка юноши, носившего тогда имя Цзинхун, стала единственным светлым пятном в её памяти о клане Люе.

Всё в прошлом, в прошлое вернуться нельзя.

Если бы тогдашний Люе Цзинхун, не растерявший еще своей дерзости, оказался посредственностью, обычным человеком, который глотает обиды вместе с кровью, всё

закончилось бы легко и просто. Но они оба были одаренными магами, отмеченными небесной милостью, поэтому сейчас они могли бы просто пожать друг другу руки, улыбнуться и вежливо поинтересоваться: О, какая встреча, помнишь ли ты те старые дела? Прошу прощения за прежнюю дерзость.

Однако ни один из них не был добродушным человеком, способным прощать.

Десятилетний Хуньин был в том возрасте, когда хочется крушить всё вокруг, и вся ветвь великого клана Люе содрогалась от его выходок, а слава маленького тирана бежала впереди него. В тысяче ли от него, в имперской столице, Цин Гэ как раз уволила очередного учителя, который больше не мог её ничему научить, и на собеседовании довела двух именитых магов до такого состояния, что те заикались от стыда, усомнившись в целесообразности тридцати лет своего обучения.

В начале осени, когда жара еще не спала, бывшая Шао цзюньхоу клана Люе, а ныне императрица Люе Чанцю, прибыла с визитом к своему самому верному союзнику — Люе Цинланю Дуи.

— Люе Цинлань Дуи приветствует императрицу, — облаченный в парчовый халат цвета морской волны, он вместе со своими приближенными и десятилетней Цин Гэ опустился на одно колено перед золотым паланкином. — Да пребудет вечно слава нашей Османской империи, да будет мир в нашем доме.

— Поднимайтесь, — из сияющего паланкина показалась рука императрицы. Цин Гэ зорким глазом заметила, что ногти покрашены дорогим лаком, который делают из сотен сирен-фениксов ради одного грамма. — Мы с моим верным другом Цинланем давно не виделись. Раз уж выдалась такая возможность, давайте выйдем из паланкина и прогуляемся.

Женщина с черными волосами в жемчужном платье, напоминающем хвост русалки, плавно вышла наружу, махнув рукой, чтобы отпустить свиту. С ней остались лишь несколько доверенных лиц и трое-четверо мальчишек лет десяти — очевидно, лучшие из молодых отпрысков клана.

— А-Лань, А-Лань, я даже во дворце слышала о славе твоей дочери. Покажи её мне, хочу посмотреть, красавица ли она, чтобы заранее сосватать за нашего непутевого юнца!

Цин Гэ почувствовала, как рука матери на её плече сжалась:

— Императрица шутит. Моя дочь сегодня слегла с болезнью, боюсь, как бы она вас не заразила, поэтому не вышла. К тому же, она уже давно помолвлена с Таскэ из дома Марса, так что боюсь, мы не заслужили такой чести.

Лицо Люе Чанцю на мгновение потемнело, но тут же приняло обычный вид:

— Видимо, я опоздала. Что ж, забудем о помолвке, но есть второе дело, в котором ты не сможешь мне отказать.

Люе Цинлань ответил:

— Слушаю вас.

— Говорят, Шао цзюньхоу Цин Гэ обладает невероятным талантом: Десять лет под милостью небес, ни на шаг не уступает земным смертным, так ли это? — В темных глазах императрицы мелькнула злая усмешка. — Я привезла с собой нескольких ребят и хотела бы попросить одаренную Шао цзюньхоу немного их наставить, можно? Даже если она больна, эта девочка, которую ты держишь при себе, наверняка тоже чему-то обучена. Пусть она выйдет вместо неё и померится силами!

Люе Цинлань встревожился:

— Но Цин Гэ еще слишком мала...

— Хорошо, — Цин Гэ подняла голову и медленно посмотрела на императрицу. — Тогда выбирайте, кто будет первым.

Императрица осеклась:

— Ты... как ты разговариваешь с государыней!

Цин Гэ притворилась пораженной:

— Неужели уважаемая императрица хочет, чтобы её люди числом задавили десятилетнюю девочку в бесконечных поединках? Вы ведь обладаете благородным характером и справедливостью, конечно же, вы не станете так поступать!

Люе Чанцю стиснула зубы:

— Конечно нет, ты всё неверно поняла. Вы, кто пойдет первым? — Её взгляд, полный угрозы, скользнул по юношам. Смысл был ясен: не победите — можете не возвращаться.

После долгого молчания вперед вышел мальчик с синими глазами:

— Цзинхун готов.

Неужели императрица так спешит, что даже забыла о приличиях, лишь бы проверить мою

силу? — с горечью подумал Люе Цинлань. Но в столице, кроме этой подозрительной императрицы, ему больше не на кого было положиться.

Цин Гэ с улыбкой похлопала Цзинхуна по плечу:

— Здравствуй, я Цин Гэ. Ты Цзинхун? Тот самый, чье имя подобно летящему лебедю? Красивое имя.

Мальчик с синими глазами смущенно прочистил горло:

— Именно так. Госпожа Цин Гэ, прошу.

Они вышли на пустую площадку в саду, предназначенную для прогулок. Люе Цинлань уже приказал убрать скамейки.

— Цзинхун, ты гость, начинай первым, — Цин Гэ отвесила вежливый реверанс, отошла на десять шагов и обернулась. Её зеленые глаза встретились с синими.

Цзинхун начал чертить заклинания, не теряя ни секунды, но Цин Гэ оказалась быстрее! Хотя казалось, что она начала позже, через мгновение их заклинания завершились одновременно!

— Даруй мне силу полета — Поступь ветра!

— Испепели всю скверну мира — Техника Огненного взрыва!

Два потока света столкнулись с оглушительным грохотом! Ударная волна подняла в воздух песок и камни.

Цзинхун, ловко увернувшись от огненного вихря, огляделся — человека не было!

— Ты попал в ловушку! — голос Цин Гэ прогремел, словно гром. Цзинхун обернулся и увидел лишь белый туман. — Цзинхун, ты проиграл!

В плече отозвалась острая боль. Он увидел тонкую зеленую нить, пронзившую плоть и приковавшую его к месту.

— Ты жульничаешь!

Цин Гэ холодно рассмеялась из пустоты:

— Что дала тебе ваша императрица? Чего вы хотели добиться? Клянусь богами, не смей лгать мне!

Цзинхун хотел было коснуться спрятанного на груди магического ящика, который при открытии выпустил бы тысячи стрел, но внезапно его подбросило в воздух. Боль пронзила всё тело.

— А-а-а! — он кричал от боли, чувствуя, как внутренности разрываются на части, но при этом ощущая странное, призрачное удовольствие. Память последних десяти лет проносилась перед глазами с невероятной скоростью. Когда ему показалось, что он вот-вот сойдет с ума, раздался окрик:

— Довольно!

Цзинхун упал на пол, перед ним стояла мрачная императрица и облегченно вздыхающий Цинлань. А Цин Гэ, безжалостная, как дьявол, стояла в десяти шагах, не растрепав ни единого волоска.

— А-Лань, в вашем доме действительно скрыты таланты, даже девочка умеет пользоваться нашим Жэньжань Чанцю! — процедила императрица.

Цин Гэ поклонилась:

— Императрица, это не тот секретный метод. Если бы я использовала его в полную силу, он бы либо погиб, либо сошел с ума. Видите, он в порядке.

Цзинхун, лежа на полу, чувствовал, как его пробирает холод. Она лгала! Зеленая нить была не ловушкой, а лечебным заклинанием, а само мучение было настоящим Жэньжань Чанцю!

В ту же ночь Хунъина отправили обратно в Лес Люе, а Цин Гэ отослали в Лиду.

Спустя десять лет, когда он встретил её в академии, он хотел лишь одного — размозжить ей голову посохом из кости дракона. Но когда она, стоя перед ним, холодно спросила: Могу ли я узнать ваше имя?, он сдулся, словно проколотый шар.

В конце концов, у него не хватило духу.

— В конечном счете, ты просто не можешь держать спину прямо, — говорила ему мать. — Клан Люе никогда не мог выпрямить спину перед остальными четырьмя великими семьями.

Люе Хунъин сжал посох. Ощущение бессилия спустя годы стало лишь сильнее. Даже если бы он не проиграл тогда Цин Гэ, что мог сделать маленький маг?

Когда унижение стало нормой, даже он утонул в этом омуте. Но когда он увидел разочарование в глазах Цин Гэ и услышал фразу Цзинхун мертв, его сердце, погребенное под слоем пыли, впервые за долгое время сильно ударило в грудь.

Но лишь однажды.

— Шао цзюньхоу, желаете чаю? — Хуа Сэ поставила ширму, скрывая их от посторонних глаз. — Сегодня особый чай из поместья Спейд.

— Мне нужно сахара, — Цин Гэ уткнулась лицом в книгу. — Дай мне сахар.

Сюзан с изумлением смотрела, как Цин Гэ жадно ест сахарную пудру.

— Вы... так любите сладкое?

— Нет, не люблю, — ответила Цин Гэ, отпив чаю. — Ни капли.

Ей просто нужно было что-то, чтобы заглушить горечь и усталость. Предательство Таскэ, неясная позиция Оро, угрозы императрицы — всё это требовало железной выдержки.

— Шао цзюньхоу, как вы можете хоть что-то любить?, — говорил ей когда-то учитель. — Вы не понимаете чувств. В будущем все, кто обещал вам верность, предадут вас, а те, кто любил, захотят убить. Вы обречены идти в одиночку. Знаете почему? У вас нет сердца!

Цин Гэ считала эти слова чушью. Как это — нет сердца? У неё есть то, что она ненавидит, и то, что она бережет.

— Шао цзюньхоу, не отвлекайтесь, — Хуа Сэ помахала рукой перед её лицом. — Вы сейчас слюни пустите.

— Я думаю о тебе... — Цин Гэ с нежностью посмотрела на темноволосую девушку. — Моя дорогая Хуа Сэ, я думаю о тебе.

Сюзан выронила чашку. Цин Гэ вздохнула и движением посоха восстановила её:

— Будь осторожнее.

— Вы просто издеваетесь, — обиженно пробормотала Сюзан.

— Хорошо, — Цин Гэ улыбнулась. — Давай обсудим, что ты будешь делать, когда мы с Хуа Сэ отправимся на Турнир славы алхимиков в следующем месяце?

Сюзан странно посмотрела на неё:

— Вы же маг, как вы... — она замолчала под взглядом Цин Гэ.

— Кто сказал, что еду я?, — Цин Гэ погладила Хуа Сэ по голове. — Хуа Сэ — алхимик, пусть едет она. Победители турнира получают богатство, славу и признание императорского двора. А для алхимиков это еще и работа в Королевской медицинской академии. Это идеально для тебя.

<http://bllate.org/book/19150/1880627>